

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

УДК 930.253:82-9

DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-2-59-79

Саратовцы на страницах «Моих воспоминаний» князя С.М. Волконского (заметки читателя-архивиста)

Маргарита Н. Шашкина

*Государственный архив Саратовской области,
г. Саратов, Россия, ritaplus@mail.ru*

Аннотация. Произведения эмигранта С.М. Волконского – внука декабриста, одного из выдающихся деятелей русской культуры, наследника культурных европейских традиций – за три прошедших десятилетия стали хорошо известны на родине. «Мои воспоминания», написанные Волконским в Советской России и опубликованные в эмиграции, по праву считаются вершиной русской мемуаристики. Богатейшая панорама жизни за полвека представлена и через многочисленные встречи князя с самыми разными людьми – как его круга, так и совершенно чуждыми ему. Автор статьи выделяет из повествования персонажей, которые были связаны с одним из крупных городов на Волге – Саратовом. Следы этих людей за столетие не потерялись в архивных и музейных документах, ставших, таким образом, свидетелями реального существования этих саратовцев. Вехи их судеб – как странников во времени и пространстве (любимый образ Волконского) – продолжают находить свое подтверждение в работах современных исследователей. Саратовский губернатор и талантливый музыкант-подвижник, консервативный преподаватель-переводчик и болшевик, глашатай нового мира – эти типажи возникают на страницах воспоминаний лишь раз, эпизодически. Но запоминаются благодаря памяти того, кто оставил их для нас.

Ключевые слова: князь С.М. Волконский, мемуары, Саратовская консерватория, С.К. Экснер, А.А. Косич, А.В. Бабин, Д.Н. Бассальго

Статья поступила в редакцию 4 января 2024 г.;

Принята к публикации 4 марта 2024 г.

© Шашкина М.Н., 2024

Для цитирования: Шашкина М.Н. Саратовцы на страницах «Моих воспоминаний» князя С.М. Волконского (заметки читателя-архивиста) // История и архивы. 2024. Т. 6. № 2. С. 59–79. DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-59-79

Saratov residents on the pages of “My memoirs” by prince S.M. Volkonsky (notes of a reader-archivist)

Margarita N. Shashkina

*Saratov Region State Archives, Saratov, Russia,
ritaplus@mail.ru*

Abstract. Over the past three decades, the works by Russian émigré Prince S.M. Volkonsky, the grandson of the Decembrist, one of the outstanding figures of Russian culture and an heir to European cultural traditions, has become well known in his homeland. The book “My Memoirs,” written by Volkonsky in Soviet Russia but published in emigration, is rightfully considered to be the pinnacle of Russian memoirs. A rich panorama of life over half a century is presented in his work, among other things, through the prince’s numerous encounters with a variety of people – both from his circle and those completely alien to him. The author of the article identifies from Volkonsky’s narrative the characters that were associated with one of the largest cities on the Volga River – Saratov. Traces of those people over the century have not been lost in archival and museum documents, bearing witness to the very existence of the particular Saratov residents. The milestones of their destinies – as the wanderers in time and space (and that was the way Volkonsky liked to portray them) – continue to be confirmed in the works of present-day researchers. The governor of Saratov, a talented musician-ascetic, a conservative teacher-translator and a Bolshevik, a “herald of the new world” – the images of those people appear on the pages of Volkonsky’s memoirs only once, occasionally. But they are remembered thanks to the memory of the one who passed them down for us.

Keywords: prince S.M. Volkonsky, memoirs, Saratov Conservatory, S.K. Exner, A.A. Kosich, A.V. Babin, D.N. Bassalygo

The article was submitted 4.01.2024;

Accepted for publication 4.03. 2024.

For citation: Shashkina, M.N. (2024), “Saratov residents on the pages of ‘My memoirs’ by prince S.M. Volkonsky (notes of a reader-archivist)”, *History and Archives*, vol. 6, no. 2, pp. 59–79, DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-2-59-79

Введение

«Мои воспоминания»¹ князя Сергея Михайловича Волконского (1860, Фалль, Эстляндская губерния, Российская империя – 1937, Хот-Спрингс, штат Вирджиния, США), внука декабриста, своего тезки С.Г. Волконского, появились 100 лет назад, в 1923 г. в Мюнхене. А писались в первые годы после революции в советской России несколько лет, вплоть до конца 1921 г., до эмиграции автора. Марина Ивановна Цветаева, помогавшая Сергею Михайловичу переписывать его рукопись в голодной Москве, назвала ее книгой глубочайшей человечности, сразу попав под обаяние и этих строк, и личности человека «не обывательской жизни, а от рождения поставленного высоко – чем выше пьедестал, тем шире кругозор!»².

Мне думается, что эти записи умного, образованного человека следует в какой-то период жизни прочитать каждому нашему соотечественнику. Особенно тем, кто утратил душевное равновесие в реалиях сего дня, кто, наконец, умеет сопоставлять что-то важное, ориентируясь в прошлом. Каждый здесь найдет нечто свое, близкое, щемящее, родное. Но начать надо именно с отзыва Поэта. Удивительное по силе и точности цветаевское слово продолжает струной звенеть при неспешном знакомстве с главами воспоминаний, заставляя возвращаться к нему, как к пророчеству. И открывая, как ключ, страницы ушедшего.

Сергей Волконский был и оставался для меня долгое время лишь директором Императорских театров в 1899–1901 гг. Один из богатейших наследников общеевропейской культурной традиции? Да. Выдающийся деятель русской культуры? Конечно. Аристократ, превративший свое страстное увлечение театром в профессию. Его литературное наследие еще долгие годы оставалось для нас неизвестным. «Мои воспоминания» явились своего рода откровением.

В фонде дворянского депутатского собрания (ф. 19) Государственного архива Саратовской области (ГАСО) имеются документы, относящиеся к роду Волконских. Михаил Сергеевич Волконский (1832–1909), отец писателя-мемуариста, в 1885 г. был приписан в родословную книгу дворян Саратовской губернии вместе с женой Елизаветой Григорьевной и их шестью детьми.

К тому времени их первенец Сергей уже завершил свое образование на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Среди бумаг архивного дела есть и копия свидетельства о рождении младенца Сергия, появившегося на свет

¹ *Волконский С.М.* Мои воспоминания: В 2 т. М.: Искусство, 1992. Т. 1. 497 с.; Т. 2. 558 с.

² Там же. Т. 1. С. 7.

4 мая 1860 г. в родовой усадьбе Фалль (ныне Кейла-Йоа, Эстония) недалеко от Ревеля (Таллина) и крещеного 17 мая в ревельской православной Преображенской церкви³. В этом же деле можно увидеть герб Волконских, которые ведут свою родословную от князя Михаила Черниговского, убитого в Золотой Орде в 1246 г.

Князя Сергея Михайловича после февраля 1917 г. воистину вела счастливая звезда. Он не был убит, не умер от тифа, в тюрьмах оказывался «лишь» кратковременно. Был востребован как творческая личность в Москве в первые годы советской власти. И смог уехать в эмиграцию в декабре 1921-го, покинув навсегда родину, где «разрушение продолжается, а озверение растет». И, наконец, он сумел сохранить свои воспоминания, увидел их опубликованными.

Уверена: такие книги, как «Мои воспоминания», открывают не только огромный пласт в истории России, они открывают всех нас, родня с событиями и людьми времени, навсегда прошедшего, которое на страницах мемуаров и в памяти человека не ушло, не стерлось, не уничтожилось. И предстало перед нами, как град Китеж.

Нельзя не обратить внимания на некоторые лица и эпизоды, с ними связанные. Эти персонажи так или иначе имеют отношение к Саратову. Их четверо. Все они объединены тем, что в разные годы жили в моем городе. Никто из этих людей не знал друг друга, но со всеми ними был знаком Сергей Михайлович Волконский. Мне захотелось рассказать о них вслед за автором мемуаров, узнав предварительно о том, что я сама не знала, о чем раньше не думала, к чему пришла только сегодня, читая и перечитывая строки «Моих воспоминаний». И получились небольшие рассказы, которые я как архивист постаралась подкрепить документальными свидетельствами.

Андрей Иванович Косич (1833–1917)

«Однажды я был в Саратове и обедал у губернатора генерала Косича⁴. В этот день хоронили известного революционера и писателя Чернышевского; он по возвращении из ссылки жил в Саратове. Похороны его могли подать повод к демонстрациям, но, к большому удовлетворению губернатора, прошли спокойно.

– Правда, – говорил он мне, – были некоторые поползновения, но незначительные.

³ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 19: Саратовское губернское дворянство. Оп. 1. Д. 2028. Л. 22.

⁴ А.И. Косич на губернаторской должности в Саратове – с июля 1887 г. по декабрь 1891 г. Позже командовал Казанским военным округом, был членом Государственного совета (1905–1908).

– Например?

– Ну, например, венки, и на венке надпись: «Мыслителю»...

И растопыренные пальцы, и поднятые брови губернатора указывали больше на нелепость, нежели на опасность подобной надписи»⁵.

Скорее всего, вслед за саратовским губернатором князь С.М. Волконский не считал Н.Г. Чернышевского ни философом, ни мыслителем⁶. Из астраханской ссылки Чернышевский вернулся в июле 1889 г. и прожил в родном городе всего три месяца. Из приведенного фрагмента ясно, когда именно Волконский был в Саратове, поскольку Николай Гаврилович скончался 17 октября, а похороны на Воскресенском кладбище прошли 20 октября. По свидетельству Михаила Чернышевского, к гробу его отца было прислано около сорока венков.

Андрей Иванович Косич – профессиональный военный, участвовавший в Крымской войне в 1854–1855 гг., позже в Балканской кампании 1877–1878 гг. Этот губернатор запомнился саратовцам деятельным и активным «главой региона», как сказали бы сегодня, оставивший о себе добрую память. «Вообще Косич был наособицу. Это был симпатичный, жизнерадостный военный генерал, обращавший особенно серьезное внимание на санитарии, гигиену и разведение садов...»⁷. Бульварная улица Рахова (в прошлом Камышинская) приобрела свой вид именно благодаря Андрею Ивановичу, который поспособствовал сделать ее более широкой, обсаженной деревьями. Так ее и называли долгое время – бульваром Косича.

В других воспоминаниях современника А.И. Косича приводится характеристика саратовского губернатора, который с высоты своего поста деятельно поддерживал основные, самые важные требования земства. Эффективно проявил себя и в борьбе с голодом в 1891 г. «Это был расцвет его энергии, жажды гуманной деятельности, стремления к своему известному девизу: ...всякий может, всякий должен сделать все ему доступное для облегчения страдания народа». В 1892 г. А.И. Косичу, уже уехавшему из губернии, было присвоено звание почетного гражданина Саратова⁸.

⁵ Волконский С.М. Указ. соч. Т. 2. С. 185–186.

⁶ Этот эпизод относится к тому периоду, когда князь С.М. Волконский, окончив Петербургский университет (1884), в качестве члена училищного совета инспектировал сельские школы Борисоглебского уезда Тамбовской губернии и избирался уездным предводителем дворянства (1889–1890).

⁷ Славин И.Я. Минувшее – пережитое. Саратов: КнигоГрад, 2013. С. 16.

⁸ ГАСО. Ф. Р-3534: Золотарёв Василий Наумович (1883–1975), педагог, краевед. Оп. 1. Д. 15. Л. 414.

Любопытно, что и сегодня его портрет можно увидеть на одном из жилых домов областного центра, на пересечении улиц Мичурина и Чапаева. Впрочем, обладатель роскошных бакенбардов и генеральского мундира почти уже неразличим среди образов своих коллег, саратовских губернаторов, среди которых А.Д. Панчулидзе, М.Н. Галкин-Врасский и П.А. Столыпин. Мозаичные панно, появившиеся на здании в 2012 г., никогда не были подписаны, и сегодня, выцветшие и пыльные, представляют собой некую галерею сюрреалистических персонажей. Открывали эту галерею явно с благими, просветительскими целями, но спустя годы получили обратный эффект. Лишь единицы горожан понимают, чьи портреты висят на стене дома, почему-то в свое время выбранного для этого «вернисажа».

О Косиче, человеке и государственном деятеле, дожившем до Февральской революции (но, можно сказать, *не пережившем* ее: он скончался в середине марта 1917 г.), можно почитать в многочисленных источниках, воспользовавшись, в том числе, и страницами Интернета. Чрезвычайно интересны и познавательны его труды и воспоминания – в том числе о Саратове и Волге. А вот о том, что знают, пожалуй, лишь немногие, мне хотелось бы упомянуть в статье непременно.

Андрей Иванович был двоюродным дядей Софьи Васильевны Ковалевской (1850–1891), знаменитой русской женщины-математика, преподававшей в Стокгольмском университете. В недавней работе саратовских историков [Кочукова, Кочуков 2023] была проанализирована роль А.И. Косича в его попытках привлечь внимание российской общественности и властных структур к задаче возвращения С.В. Ковалевской на родину в качестве преподавателя, ученого. Ведь доступ на кафедры университетов в России был совершенно закрыт для женщин.

После внезапной смерти Софьи Васильевны от скоротечного плеврита (в январе 1891 г.) А.И. Косича сильно волновал вопрос о будущем ее 12-летней дочери Сони («Фуфы», как звали ее близкие), оставшейся круглой сиротой и находившейся в то время в Стокгольме. Письма людей, заинтересованных в устройстве судьбы девочки, сохранились в ГАСО, в фонде Саратовской ученой архивной комиссии, которой А.И. Косич покровительствовал и энтузиастов которой он поддерживал, будучи губернатором. А рядовым членом СУАК стал спустя уже много лет, в 1910 г., давно уехав из Саратова. Возможно, это была дань памяти времени, проведенному на Волге.

Станислав Каспарович Экснер (1859–1934)

«На заре моей музыкальной юности я встретился со Станиславом Каспаровичем Экснером. Милый человек и восхитительный пианист, ученик Рейнеке⁹. Он услаждал наши вечеринки; через него я узнал всего Шопена, всего Шумана, много Бетховена, много Баха. Он обладал огромным репертуаром, великолепной памятью; а прелесть его удара была так своеобразна, что мог бы узнать его всегда, как моя бабушка узнавала голос Рубинштейна. Он был настоящим романтиком; в этом отношении он прямой сын своего учителя; он поэтизировал все, к чему прикасался.

Никогда не забуду в его передаче Симфонические этюды Шумана и знаменитую а-мольную фугу Баха в листовской обработке, с октавами в басах. Как разно можно играть то же произведение; не разумею степени совершенства, а разумею в той же степени совершенства разную краску. Ту же а-мольную фугу Баха я слышал в исполнении Брассена¹⁰; это была геометрическая постройка; у Экснера это было поэтическое дыхание; но и то, и другое прекрасно.

Экснер непосредственно был директором музыкальной школы в Саратове; при нем она переименовалась в консерваторию; здание воздвигалось при содействии моего брата Петра; его портрет висел в зале. Культурное влияние Экснера распространилось на Поволжье. Я два раза навещал его, жил у него; и он приезжал к нам в деревню¹¹.

Во время войны он отправился на Западный фронт, служил в санитарном отряде, которым заведовал мой брат. Зимой 1918 г. кто-то привез мне от него письмо из Саратова; он вернулся

⁹ Карл Рейнеке (1824–1910) – немецкий композитор, дирижер и пианист.

¹⁰ Луи Брассен (1836–1884) – бельгийский пианист и композитор.

¹¹ В этом селе Борисоглебского уезда Тамбовской губернии родители С.М. Волконского купили имение в 1862 г. В 1860–1970 гг. большая семья приезжала из Петербурга в Павловку каждое лето. Усадьба стала местом уединения княгини Е.Г. Волконской, самой известной русской католички, писавшей здесь книги по истории церкви. Автор воспоминаний С.М. Волконский очень любил Павловку. Много работал здесь – и как литератор, и как энтузиаст-садовник, лесовод. В Первую мировую войну фактически безотлучно жил здесь. В Павловке он узнал о Февральской революции. Отсюда поздней осенью 1917 г., уже после экспроприации имения, уехал сначала в Борисоглебск, потом в Тамбов и Москву. Своего родового гнезда он больше не увидел. В первом томе «Воспоминаний» писателя-мемуариста есть глава «Павловка».

к своему детищу и был скромным преподавателем в созданном им заведении»¹².

В этом фрагменте нам, саратовцам, все понятно. Хотя музыкальные классы названы школой, скорее всего, это все же училище. Штрихи к портрету Станислава Каспаровича Экснера, первого директора Саратовской консерватории, весьма любопытны. Нет ничего удивительного, что музыкант Экснер служил в санитарном отряде в годы Великой войны, как тогда называли Первую мировую. Люди своего времени, иной раз занимавшие высокие посты в самых различных учреждениях, не могли не откликнуться на общую беду и не быть причастными к делу, которое они расценивали как свой патриотический долг. «Теперь саратовцы занимаются снаряжением поездов с подарками в армию. Один такой поезд в составе 4 вагонов уже дошел до места... Теперь такой транспорт снаряжает Красный Крест, повезет подарки мировой судья И.Я. Славин, другой... агроном Б.Х. Медведев»¹³.

Почему же за многие десятилетия существования государственной консерватории так и не было выяснено, где находился Станислав Каспарович после отъезда в 1921 г. из Саратова и когда завершился его жизненный путь? Почему не обращались к музыкантам в социалистическую Польшу, а если обращались, то какой ответ получили? Поначалу, возможно, гипнотизировал, скорее всего, сам факт: зачем интересоваться эмигрантом? Но уж больно значимой была и остается фигура Экснера для музыкальной культуры города.

Лишь в 2016 г. мы смогли выяснить, где и когда умер первый директор музыкального училища в Саратове (1895) и первый директор консерватории (1912). Помог, конечно, Интернет. В одной из оцифрованных польских газет довоенного времени был напечатан некролог по случаю смерти Станислава Экснера, скончавшегося в Варшаве 28 ноября 1934 г. Панихида происходила 1 декабря в церкви святого Карла Борromeо на Старом Повонзком кладбище. Здесь и нашел свой последний приют музыкант – творец консерватории в Саратове, как сказано в некрологе¹⁴. Подпись – друзья. Слава Богу, были друзья у С.К. Экснера в Варшаве, ведь своей семьей он не обзавелся, а его мать Полина Николаевна умерла в Саратове в 1906 г.

В приведенном фрагменте воспоминаний привлекает внимание имя Петра Михайловича Волконского (1861–1947), о котором его старший брат (погодок) Сергей говорит коротко, лишь констатируя

¹² *Волконский С.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 135.

¹³ *Токарский А.А.* Дневник. 1914–1915. Саратов: Издательский центр «Наука», 2015. С. 118.

¹⁴ Варшавский курьер. 30 ноября 1934. № 300.

факт, ему хорошо известный: портрет моего брата висел в здании Саратовской консерватории. Полагаю, что надо еще раз отметить огромную заслугу Петра Волконского в сооружении самого приметного в Саратове здания, давно ставшего визитной карточкой города. В этом нам поможет старинное издание из фонда научно-справочной библиотеки ГАСО.

28 октября 1902 г. торжественно открывалось и освящалось новое здание Саратовского отделения Императорского Русского музыкального общества (ИРМО), т. е. музыкальное училище, а через десять лет – и первая в провинции Саратовская консерватория на углу улиц Никольской и Немецкой. Отныне здание было связано с этим знаковым местом. Дирекция саратовского ИРМО не располагала никакими средствами, чтобы начать постройку здания два года назад, летом 1900 г. На помощь пришел почетный член Общества Петр Михайлович Волконский, который выразил желание принять на свой счет расходы по составлению планов и чертежей проектируемого здания, по приобретению и доставке всего необходимого кирпича, по отделке деревянных перекрытий. Совершенно ясно, что это были немалые средства. «Вся постройка с устройством станции электрического освещения и центрального парового отопления обошлась в 180–190 тысяч рублей. Эта сумма покрыта частью пожертвованием П.М. Волконского и долгосрочным займом в Московском земельном банке...»¹⁵.

Оплатить поездку приглашенного в Саратов архитектора Александра-Эдуарда Юльевича Ягна (1848–1922) также взялся князь Петр, что вовсе не случайно. Профессиональный зодчий был хорошо знаком ему по родственным связям: его тетка Елена Сергеевна Волконская (1834–1916) была спутницей жизни архитектора, матерью его дочери Александры.

Таким образом, князь Петр Михайлович Волконский обеспечил реальную возможность начать постройку здания будущей Саратовской консерватории, закладка которой совершилась 24 июня 1900 г. Он же стал председателем особой строительной комиссии. В его отсутствие эти обязанности исполнял Иван Яковлевич Славин, член дирекции Саратовского отделения Императорского Русского музыкального общества.

Но ближайшие наблюдения за постройкой и все заботы о ней лежали главным образом на директоре музыкального училища С.К. Экснере, который много потрудился в этом деле. На открытии нового здания ИРМО (училища) в октябре 1902 г. П.М. Волконского

¹⁵ Торжество открытия и освящения нового здания Саратовского отделения Императорского Русского музыкального общества. 28 октября 1902 г. Саратов: паровая скоропеч. Губ. правл., 1903. С. 9–10.

не было. Известен текст его телеграммы, присланной в Саратов: «Неотложные дела задержали меня, лишили возможности быть на вашем торжестве и поздравить Вас, Станислав Каспарович, дирекцию и Общество с успехом, которому все обязаны Вашей энергии. Петр Волконский»¹⁶.

Все братья Волконские – их было пятеро – оставили свой след в истории нашего отечества. Петр Михайлович одно время был предводителем дворянского собрания Балашовского уезда, отсюда его интерес к делам губернии в целом. Сам неплохой музыкант, он принимал участие в концертах саратовских музыкальных классов [Демченко 2015, с. 20]. Во время Первой мировой войны П.М. Волконский находился на фронте, состоял уполномоченным Российского общества Красного Креста, вывозил раненых во время боев. После Октябрьской революции эмигрировал, умер в Париже в 1947 г.

Алексей Васильевич Бабин (1866–1930)

В мемуарах С.М. Волконского мы встречаем имя еще одного человека – правда, не так долго и основательно связанного с саратовской землей, как музыкант С.К. Экснер. Но, безусловно, Алексей Бабин, о ком речь ниже, поистине «посетил сей мир в его минуты роковые», в один из самых драматичных периодов истории Саратова, да и России в целом.

Сначала приведем цитату из «Моих воспоминаний» С.М. Волконского, до революции дважды совершившего поездки по Северо-Американским штатам (в 1893 и 1896 гг.)¹⁷. Одной из целей его тогдашних путешествий через океан было чтение лекций по русской истории и русской литературе. «Однажды после лекции в Корнелльском университете подошел ко мне молодой человек и представился – русский, Алексей Васильевич Бабин; сын елатомского мещанина, попал в Америку, занимается историей. Во второй мой приезд он уже был библиотекарем университета в штате Индиана. После этого был уже одним из библиотекарей библиотеки при здании Конгресса. В малое время достиг высокого

¹⁶ Там же. С. 23.

¹⁷ С 1926 г. князь С.М. Волконский жил в Париже, продолжая свою театральную, преподавательскую и лекторскую работу. Его третья поездка в США состоялась в октябре 1937 г., когда он со своей супругой Мэри Фэрн Фрэнч сразу после свадьбы поехал навестить ее дочь от первого брака. В курортном городке Хот-Спрингс Волконский заболел и умер 25 октября. Похоронен в Ричмонде, столице штата Виргиния.

положения и большого уважения. Но, в конце концов, ему стало скучно, захотелось отдать свои силы и знания на служение родине. Уже во время войны приехал он в Петербург; привез и издал первую на русском языке историю Соединенных Штатов в двух томах и стал искать должности... Я направил его к министру народного просвещения графу <П.Н.> Игнатьеву. После этого получил от него <Бабина> два письма: одно из Олонецкой губернии – он был инспектором народных училищ в Вологде; другое из Саратова – он был профессором истории в недавно открывшемся Саратовском университете»¹⁸.

Кем же был этот человек и когда попал в Саратов? Профессором Алексей Бабин точно не был, но после работы в Вологде осенью 1917 г. действительно был переведен в Саратов, где стал преподавать. «24 октября 1917 г. Вчера вечером на заседании совета университета я был избран преподавателем английского языка. За мое избрание было подано 25 голосов, против – 5», – отмечал А.В. Бабин в своем дневнике¹⁹. Из дальнейших записей следует, что знаток английского языка преподавал также и в других образовательных учреждениях города.

А.В. Бабин – один из крупных дореволюционных американистов – был предан забвению в советской историографии, поскольку причислялся к идейным противникам Октябрьской революции и власти большевиков. А.В. Бабин – автор двухтомного труда «История Северо-Американских Соединенных Штатов», вышедшего в дореволюционной России в 1912 г. В этом фундаментальном научном исследовании русский эмигрант сумел проследить все этапы истории США от момента знакомства англичан с Америкой и вплоть до начала XX в.

Родился он в Елатьме в 1866 г. Тогда «сонный городок» входил в состав Тамбовской губернии, но давно уже это Рязанщина. Жизнь этого уроженца Елатьмы будет, пожалуй, покруче любого приключенческого романа. Родину молодой Бабин покинул в 1889 г. Причем отнюдь не судьба русского революционера сделала его изгоем, эмигрантом. Он отличался крайней консервативностью. Но судьба всегда непредсказуема. В результате безумной затеи молодой Бабин стал невольным убийцей своего товарища. Случилось это в родной Елатьме. Пришлось, в конце концов, спасаться бегством, бросив учебу в Санкт-Петербурге, где он изучал историю и филологию. Через Рязань и Москву бывший студент добрался до Риги, где ему удалось наняться кочегаром на один из пароходов, который

¹⁸ Волконский С.М. Указ. соч. Т. 1. С. 306–307.

¹⁹ Бабин А.В. Дневник русской Гражданской войны: 1917–1922 // Волга. 1990. № 5. С. 114.

следовал в Нью-Йорк. Став Алексисом, он надолго оказался вдали от России. И преуспел в Америке.

За океаном Бабину, владевшему английским, французским и немецким языками (вот как учили языкам провинциальных гимназистов!), посчастливилось стать библиотекарем крупнейшего учебного заведения США. Он приехал в город Итаку, что в штате Нью-Йорк, мечтая получить образование в знаменитом Корнелльском университете, поскольку имел сведения, что будто бы там платой за обучение могла стать любая работа внутри университета. В дальнейшем знание языков и навык в библиотечном деле позволили ему сделать в США отличную карьеру.

В 1904 г. А. Бабин – заведующий русским отделом Библиотеки Конгресса США. В Госархиве Саратовской области в фонде Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) сохранилось два письма Алексея Васильевича. От имени директора Вашингтонской национальной библиотеки Герберта Пэтнама он обращается с покорнейшей просьбой: на каком удобном для вас языке представить точные и полные сведения о СУАК для дальнейшей публикации их в «Справочной книге об ученых обществах», которую готовит библиотека²⁰. Прилагается перечень вопросов, на которые члены СУАК должны ответить. На одном из писем – автограф А.В. Бабина. Он еще не знает, что ему через какое-то время доведется лично познакомиться с Саратовом и саратовцами.

Казалось бы, жизнь этого одинокого, целеустремленного и работоспособного человека складывается на чужбине как нельзя лучше. Однако самое потрясающее в его судьбе было еще впереди. И потрясения были связаны опять же с его исторической родиной, но уже с советской Россией.

Интерес к судьбе Бабина возник много десятилетий спустя после его кончины в 1930 г. Уже в начале XXI в. личность русского американца оказалась в поле внимания историка из Петербурга Е.Г. Пивоварова, много и подробно занимавшегося славянскими материалами Библиотеки Конгресса США. Исследователь рассмотрел служение А.В. Бабина с точки зрения его педагогической работы и просветительской деятельности [Пивоваров 2002а; Пивоваров 2002б].

В ГАСО, в коллекции документов деятелей науки, имеется фонд Р-3742 американского историка, ученого и общественного деятеля, профессора Дональда Дж. Рейли²¹. Он много раз (в том числе в 1990

²⁰ ГАСО. Ф. 407: Саратовская ученая архивная комиссия, 1886–1920. Оп. 2. Д. 126. Л. 1, 54–55.

²¹ Дональд Джозеф Рейли. 1949 г. р. Профессор истории Университета Северной Каролины в Чапел Хилле, США. Докторскую диссертацию

и 1992 гг.) бывал в Саратове, тогда уже открытом городе, и выпустил здесь солидные исторические исследования по истории Саратова и губернии в период революции 1917 г. и Гражданской войны²². Его книги читаются (и будут читаться, надо полагать) с неослабевающим интересом.

В одной из них – «Саратов от августа 1914 до августа 1991» – есть глава «Алексей Васильевич Бабин и его дневник». Глава проясняет вехи судьбы автора уникального документального источника, позволяющего вникнуть в повседневную жизнь одного из провинциальных городов России в период с 1917 по 1922 г. Дневник хранится в Библиотеке Конгресса США.

Но и в Саратове можно прочесть воспоминания очевидца «нового смутного времени»: написанный на английском языке, текст также находится в фонде личного происхождения Д.Дж. Рейли²³. Это копии рукописи, изданной в США в 1988 г. под названием «Дневник гражданской войны в России. Алексис Бабин в Саратове»²⁴. Полного перевода дневника на русский язык пока не имеется. Но фрагменты этого документального свидетельства были наиболее подробно приведены в двухтомнике, который саратовские авторы подготовили в преддверии 100-летия Октябрьской революции²⁵. В фонде хранятся вырезки из газеты «Саратов» за 1993 г.²⁶, публиковавшей перевод некоторых страниц дневника за 1921–1922 гг.

Тремя годами ранее, в 1990 г., в саратовском литературно-художественном журнале «Волга» уже начиналась публикация дневниковых записей А. Бабина, вернее, их небольшой части за 1917–1922 гг.²⁷ Эти строки – свидетельства человека, жившего в российской глубинке в первые пять лет после свершившегося переворота. Здесь все: приметы обычной на то время жизни и быта

о революции на Волге защитил в 1978 г. Главный редактор американского научного журнала «Советские (русские) исследования по истории». Автор многочисленных публикаций и книг.

²² *Рейли Д.Дж.* «Заложник пролетариата»: Отрывки из воспоминаний А.А. Минха. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001. 71 с. См. также: [Рейли 1994a; Рейли 1994b, Рейли 1995; Raleigh 2002].

²³ ГАСО. Ф. Р-3742: Рейли Дональд Джозеф. Оп. 1. Д. 12, 13.

²⁴ A Russian Civil War diary. Alexis Babin in Saratov. 1917–1922 / Ed. by D. Raleigh. Durham, L., 1988.

²⁵ Пролетарская революция, какой мы ее не знаем: В 2 кн. / сост. А.В. Кумаков, А. А. Симонов; пер. Е. Соколовой. Саратов: Волга, 2016. 1312 с.

²⁶ Саратов. 1993. № 19. С. 3; № 20. С. 3; № 21; С. 3; № 22; С. 3; № 23. С. 3.

²⁷ *Бабин А.В.* Указ. соч. С. 112–127.

губернского города, сведения о том, что составляло тогда стержень бытия населения в борьбе за выживание, описание происходящих событий, слухи и их обсуждение в среде людей различных социальных групп, стереотипы поведения людей, оказавшихся в новой политической реальности, выбитых из колеи и привыкающих к ней. Короче говоря – реальная жизнь сквозь призму субъективных воззрений.

К дневнику А.В. Бабина обращались и позже – например в статьях, освещающих роль зарубежных иностранных благотворительных организаций в период голода в Поволжье 1921–1922 гг. В одной из работ были проанализированы записи, которые Алексей Васильевич как переводчик делал в Саратове, находясь на службе в АРА – американской благотворительной организации American Relief Administration. Фамилия А.В. Бабина действительно фигурирует в списке саратовских сотрудников АРА [Бондаренко 2014, с. 120–124].

Страницы дневника этого периода относятся к ужасам великого, лютого голода, тоже ставшего в наших краях повседневной реальностью... Строки, которые порой просто невозможно читать – настолько они натуральны в своей жестокости и дикости, – дают возможность представить круг ценностей самого автора дневника. Он, по словам Д. Дж. Рейли, «пытается объяснить свою родную, ставшую чужой страну, своему новому, столь отличному от прежнего, отечеству – Америке. Богатая опытом, достижениями и приключениями жизнь Бабина оказалась переплетена с наиболее разрушительными событиями двадцатого века» [Рейли 1994а, с. 227].

После завершения работы АРА в советской России последовало новое бегство Алексея Бабина в США. Теперь уже навсегда. Впрочем, все было уже вполне легально, хотя не обошлось без тревог и серьезных опасений – настолько он опасался разоблачения и обвинения в предательстве. Но Бабин был штатным сотрудником американской организации. На нью-йоркский берег он вступил 16 ноября 1922 г. Ему предстоит, без устали работая в крупнейших библиотеках США, прожить еще почти восемь лет – до 10 мая 1930 г., когда его жизнь оборвется в результате онкологического заболевания. Свои денежные средства Алексей Васильевич оставил Библиотеке Конгресса США, секции славистики. Там же, в Библиотеке, в отделе рукописей, хранятся и его воспоминания – о Саратове первых лет после революции.

Из забвения дневник русского американца извлек, подготовил к печати и опубликовал именно профессор Дональд Дж. Рейли, благодаря которому мы и узнали об Алексее Бабине, ставшем на какое-то время (да еще какое!) саратовцем. Как справедливо заметил видный саратовский историк, «новые исторические источники

мемуарного характера, о существовании которых российские ученые могли только мечтать, позволяют внести в рассматриваемый вопрос немало свежих и любопытных сюжетов» [Соломонов 1999, с. 208].

Князь С.М. Волконский, вспомнив Алексея Бабина, пишет о нем на страницах своих мемуарных записей, которые, кстати, как и сам Бабин, делал в России (правда, на русском языке) в первые годы после установления советской власти и ее «триумфального шествия»: «Больше я не слышал об этом милом человеке. Нашел ли он возможность применить прекрасные данные своей чистой русской природы и крепкий дух, которым зажегся в Америке, нашел ли возможным применить их на пользу родине, выказавшей так мало потребности воспользоваться тем и другим?»²⁸.

Эти люди никогда больше не встретились, хотя судьбе было угодно, чтобы оба скончались в США. Сергей Михайлович – на семь лет позже «милого человека» Алексея Бабина – в мае 1937 г.

Бассалыго Дмитрий Николаевич (1884–1969)

И, наконец, воскресим в памяти имя еще одного человека, о котором рассказано в «Моих воспоминаниях». Для Сергея Михайловича, конечно, «некий Басалыга» никак не был связан с Саратовом. А между тем для нашего города это знаковая фигура. По крайней мере, таковой должна была стать. Но не стала, как мне кажется. Имею в виду широко и гласно.

Итак, вот как запомнилась С.М. Волконскому одна из встреч с представителем нового мира и революционной идеологии. Это был советский деятель, оставшийся для бывшего князя навсегда «неким».

«Я был приглашен читать в красноармейском клубе в Кремле, в клуб имени Свердлова. В Николаевском дворце²⁹, в бывших покоях великой княгини Елизаветы Федоровны³⁰, за чудными

²⁸ Волконский С.М. Указ. соч. Т. 1. С. 307.

²⁹ Николаевский дворец – Малый Николаевский дворец в Кремле находился на углу Ивановской площади. Официальная резиденция русских императоров и членов их семей во время пребывания в Москве. Наряду с Чудовым и Вознесенским монастырями был разобран в 1929 г.

³⁰ Великая княгиня Елизавета Федоровна (1864–1918), принцесса Гессен-Дармштадская, старшая сестра императрицы Александры Федоровны, супруга Великого князя Сергея Александровича Романова. Была убита 18 июля 1918 г. вблизи г. Алапаевска Пермской губернии. Прославлена в лике святых Русской православной церкви в 1992 г.

зеркальными окнами, из которых открывался вид на Замоскворечье, слонялись по паркетным полам, в шелковых креслах полулежали в папахах и шинелях красноармейские студийцы. Работа была неблагодарная. Слушателей моих гоняли на работу, на дежурства, в караулы, а то и вовсе угоняли на фронт. Состав слушателей всегда был другой, никакого курса вести нельзя было, ни одного даже стихотворения разучить. Это было вечное переназначение. Наконец сами руководители признали невозможность положения и пригласили преподавателей на совещание для выработки программы и упорядочения занятий. Такие маленькие “генуэзские конференции” по всем ведомствам не прекращались (по крайней мере, в той области, с которой я приходил в соприкосновение), но результаты бывали не плодотворнее большой.

На это совещание пришел помощник Мейерхольда³¹, как тогда говорили, его правая рука. Это был *некий Басалыга*, когда-то помощник режиссера в Малом театре. Вот обмен мнений во время заседания, который мне запомнился. Один из преподавателей говорит, что надо завести класс выправления речи: нельзя же терпеть на сцене смешение говоров, – люди со всех концов России. Басалыга возражает:

– Выправлять речь? Для чего? Что ж такое, что всевозможные акценты? В России много народностей, все народности должны быть представлены в искусстве. Акцент? Луначарский говорит с акцентом, это не мешает ему быть прекрасным оратором.

Заходит речь о репетициях.

– Репетиции? Зачем репетиции? Совсем не нужно, это препятствует свободному развитию коллективной личности, это тормозит свободное творчество.

– Да как же пьесы ставить без репетиций?

– Пьесы? Для чего пьесы?

– Так что же ставить?

– Да не ставить. А придут, посидят, расскажут друг другу свои переживания в октябрьские дни, пропоют три раза “Интернационал” и разойдутся. И у всех будет легко и тепло на душе.

Позволительно спросить этих “людей театра”, что же остается от *театра*? И не верно разве, что самый принцип, которым они хотят заставить *жить* свой “коммунистический театр”, есть принцип *смерти*?»³².

³¹ *Мейерхольд В.Э.* (1874–1940) – русский и советский режиссер, актер и педагог. До революции ставил спектакли в императорских театрах. Заведовал Театральным отделом (ТЕО) Наркомпроса. Народный артист Республики (1923). Был арестован в июне 1939 г. 2 февраля 1940 г. расстрелян.

³² *Волконский С.М.* Указ. соч. Т. 2. С. 309–310.

Здесь необходимо пояснение. С.М. Волконский, лишенный революцией титула (каковым он, к слову, никогда не гордился: князем был по рождению), добрался до Москвы летом 1918 г. Все, что связывало его с прежней жизнью, осталось позади – брошенным, разграбленным, уничтоженным. К.С. Станиславский помог устроиться ему, бывшему директору императорских театров, преподавателем сценической речи и пластики в студии Художественного театра. Нужно было как-то зарабатывать на хлеб насущный, иметь скудный, но паек! И Сергей Михайлович удивительным образом вписался в театральную действительность первых лет революции. Стал преподавать в рабочих театральных кружках, в пролеткульте, в Вахтанговской студии, где познакомился с Мариной Цветаевой. Марина Ивановна напишет позже о С.М. Волконском как об учителе жизни, выскажется о нем и его мемуарах, как никто после нее – по-своему, ярко, образно.

Революция многолика. Одно из ее лиц – большевик Дмитрий Николаевич Бассальго. Фамилия выходца из Минской губернии пишется иной раз и по-белорусски: Басальга, как и обозначил ее Волконский.

Для нас важен прежде всего непреложный факт: Дмитрий Бассальго стоял у истоков саратовского театра для детей в 1918 г. Он дожил не только до полувекового юбилея советского государства, но и до 50-летия театра юного зрителя, ставшего родным для нескольких поколений саратовцев! А вот сам создатель ТЮЗа остался как бы за кулисами. То есть имя его особенно не было на слуху, если судить обывательски. Высказываю свою личную точку зрения.

Это теперь в архивных материалах я читаю упоминания о первых шагах отдела искусств при Саратовском губисполкоме, вижу имя его руководителя³³. Восполнили также пробел в моих знаниях некоторые статьи, опубликованные в местных изданиях³⁴.

Как бы то ни было, до последнего времени имя Дмитрия Бассальго никак не связывалось для меня лично с любимым мною когда-то саратовским театром. Возможно, потому, что десятилетиями гремело другое имя – главного режиссера ТЮЗа Ю.П. Киселева (1914–1996), возглавлявшего первый в стране детский театр несколько десятилетий. Но Юрий Петрович появился в Саратове на четверть века позже, чем Д. Бассальго, который, строго говоря, и открыл первую страницу будущего ТЮЗа. Именно он и был ини-

³³ ГАСО. Р-329: Саратовский губернский отдел народного образования. Оп. 1. Д. 2. Л. 12 об. – 13 об.

³⁴ Савельева Е.К. Я верю! // Заря молодежи. 14 марта. 1987; Морван Д. Отец ТЮЗа и Дома кино // Общественное мнение. 2013. № 12 (171).

циатором воплощения в жизнь этой идеи в 1918 г. Как, впрочем, и национализации саратовских театров тогда же.

Конечно, о «театре юности» писали много и многие, прославленный коллектив и его феерические спектакли были в поле внимания и благодарных зрителей, и профессиональных авторов. Откроем, например, книгу, изданную в 1958 г. областным управлением культуры, когда отмечалось 40-летие саратовского ТЮЗа. «Это было 4 октября 1918 года. В помещении буржуазного кафе-шантана (ныне там филармония) открывался для детей саратовского пролетариата бесплатный советский драматический театр имени В.И. Ленина. На ветру билась афиша: “Синяя птица“ Мориса Метерлинка. Пьеса в 7 картинах. Начало спектакля в 5 часов. Очередь все прибывала. Наконец, двери театра распахнулись: входите, юные хозяева! На сцену поднялся человек в военной гимнастерке – начальник Саратовского отдела искусств при губисполкоме Дмитрий Николаевич Бассальго. Он поздравляет ребят с открытием их театра и предлагает послать В.И. Ленину, чье имя носит театр, приветственную телеграмму. Это предложение маленькие зрители встречают шквалом аплодисментов» [Давыдова 1958, с. 3].

Так же, как и Алексей Бабин, Дмитрий Бассальго приезжает в Саратов в 1917 г. Но если преподаватель английского языка Бабин – сугубый консерватор, крайне негативно относившийся ко всякой революционной деятельности, то мобилизованный товарищ Бассальго – уже закаленный революционер. Член РСДРП, он руководил боевыми дружинами в Харькове в 1905 г., был вместе с Лениным и его единомышленниками на Пятом Лондонском съезде в 1907-м, посидел в тюрьме. Дальнейшая судьба Дмитрия Николаевича необычна и прихотлива: до Первой мировой войны бывший узник царских тюрем не только успел поработать в Москве на кинофабрике (помощником режиссера в акционерном обществе «А. Ханжонков и К^о»), но и учился в студии МХАТ, играл на сцене Малого театра. Однако в революционных событиях 1917 г. и в период Гражданской войны роли его уже не сценические, а вполне реальные, в духе времени. Хотя, отметим, и актерское дело он не забывал.

Оказавшись в Саратове в составе 92-го пехотного запасного полка, Д. Бассальго создает для солдат и силами солдат труппу драматического театра. В дальнейшем вместе с боевыми товарищами проводит национализацию местных театров и кинотеатров. Яркий этап его деятельности – работа в Саратовском губисполкоме: Д. Бассальго сначала председатель военной секции, а с марта 1918 г. – руководитель отдела искусств и заведующий драматической секцией. Именно по его инициативе и был открыт 4 октября этого года бесплатный детский театр, будущий ТЮЗ, который осенью 2023 г. отметил свое 105-летие.

Вспоминали ли имя организатора и вдохновителя театра в дни юбилейных торжеств? Нет. О советском «деятеле театра и кино» не знают и в Театральном институте при Саратовской консерватории. Какими документами о Д.Н. Бассальго располагает театральный музей, созданный при ТЮЗе в 2014 г.? Немногими. Но крохотная фотография – в экспозиции. А ведь оригиналы снимков разных лет, подаренные когда-то самим Дмитрием Николаевичем, хранятся в фондах Саратовского областного музея краеведения. Это портретные фото – с подписями, сделанными его рукой.

В музее есть увесистый том воспоминаний старого большевика, жившего до своей кончины в Москве. Называется эта рукопись, вернее, ее машинописный вариант: «У истоков советского театра. Саратовские театральные сезоны. 1917–1918. Часть первая»³⁵. Написанные в 1950-х гг. по настоятельной просьбе тогдашнего директора музея Марии Ивановны Малышевой, воспоминания сына своего века изобилуют такими подробностями и деталями, которые я никогда и нигде не встречала. Некоторые исправления в тексте свидетельствуют: перед тем, как подарить свой многолетний труд саратовским музейщикам, автор вычеркивал то, что ему, партийному человеку с огромным опытом, казалось уже не совсем уместным. Это не соответствовало духу нового времени. Так, «партия Ленина-Сталина» в правке автора лишилась второго имени, оставшись лишь ленинской.

Скорее всего, Дмитрий Николаевич думал о том, чтобы со временем написать и вторую часть воспоминаний, которые касались бы другого этапа его жизни. А может быть, и написал их – и его потомки сохранили записи? Вопрос несправедливый. Где они – эти записи и потомки, и есть ли они вообще?

Саратов Д.Н. Бассальго покинул летом 1919 г. Сначала был фронт и работа в политуправлении Северо-Кавказского военного округа. Потом Москва, Наркомпрос РСФСР, где он продолжил заниматься театральным делом. Тогда его путь кратковременно пересекается вдруг с жизненной дорогой С.М. Волконского, бывшего директора императорских театров царской России. Все театры уже национализированы, а сам «бывший», с подозрительной «буржуйской» фамилией, каким-то образом уцелел. Не знаю, вспоминал ли встречу со «светлейшим князем», преподавателем московских курсов «некто Басальга», а вот его, сподвижника Мейерхольда, Сергей Волконский не мог забыть и в эмиграции, вероятно. Любопытно, что оба в разные годы написали мемуары, которые мы сегодня читаем, удивляясь и даже как бы не совсем веря написанному.

³⁵ Саратовский областной краеведческий музей. НВСП (научно-вспомогательный фонд) 21961.

Если в памяти сохраняется не все, то музей, чаще всего, хранит свои сокровища полно и даже истоиво. Сохранился и адрес, по которому до 1969 г. жил Д.Н. Бассальго: Москва, улица Грановского, дом 3, кв. 106. И номер телефона, представьте, тоже есть. Только как позвонить в прошлое? И надо ли?..

Литература

- Бондаренко 2014 - *Бондаренко Т.Ю.* Деятельность иностранных организаций помощи голодающим в Саратовской губернии в 1920-х годах глазами русского эмигранта: Из воспоминаний А.В. Бабина // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 2. С. 120–124.
- Давыдова 1958 – *Давыдова Н.А.* Театр юности: Из истории Саратовского театра юного зрителя им. Ленинского комсомола. Саратов: Кн. изд-во, 1958. 60 с.
- Демченко 2015 – *Демченко А.И., Демченко Г.Ю.* «Золотой фонд» столицы Поволжья: Очерки музыкальной культуры Саратова. Саратов: Саратовтеатрфильм-Добродей, 2015. 238 с.
- Кочукова, Кочуков 2023 – *Кочукова О.В., Кочуков С.А.* Письма друзей и родственников С.В. Ковалевской саратовскому губернатору А.И. Косичу (1891) // История и архивы. 2023. Т. 5. № 1. С. 24–46.
- Пивоваров 2002a – *Пивоваров Е.Г.* Научно-педагогическая и просветительская деятельность А.В. Бабина (1866–1930): Автореф. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2002. 25 с.
- Пивоваров 2002b – *Пивоваров Е.Г.* А.В. Бабин: 1866–1930 гг. СПб.: Петрополис, 2002. 192 с.
- Рейли 1994a – *Рейли Д.Дж.* Саратов от августа 1914 до августа 1991: Россия глазами американца: [Ст., очерки, эссе]: пер. с англ. Саратов, 1994. 239 с.
- Рейли 1994b – *Рейли Д.Дж.* Саратов и губерния в 1917 г.: события, партии, люди. Саратов: Гос. учеб.- науч. центр «Колледж», 1994. 120. с.
- Рейли 1995 – *Рейли Д.Дж.* Политические судьбы Российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов: Слово, 1995. 395 с.
- Соломонов 1999 – *Соломонов В.А.* К истории возникновения научной библиотеки СГУ // История и историография: Материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Л.А. Дербова. Саратов, 1999. С. 207–212.
- Raleigh 2002 – *Raleigh D.D.* Experiencing Russia's Civil War: politics, society, and revolutionary culture in Saratov. 1917–1922. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2002. 438 p.

References

- Bondarenko, T.Yu (2014), “Activities of foreign famine relief organizations for the hungry in the Saratov province in the 1920s through the eyes of a Russian émigré. From the memoirs of A.V. Babin”, *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, no. 2, pp. 120–124.

- Davydova, N.A. (1958), *Teatr yunosti: Iz istorii Saratovskogo teatra yunogo zritelya im. Leninskogo komsomola* [Theater of youth. From the history of the Saratov Lenin Komsomol Theater for Young Spectators], Knizhnoe izdatel'stvo, Saratov, USSR.
- Demchenko, A.I. and Demchenko G.Yu. (2015), «*Zolotoi fond*» stolitsy Povolzh'ya: *Ocherki muzykal'noi kul'tury Saratova* ["Golden Fund" of the capital of the Volga region. Essays on the musical culture of Saratov], Saratovtelevfilm-Dobrodeya, Saratov, Russia.
- Kochukova, O.V. and Kochukov, S.A. (2023), "Letters from the friends and relatives of S.V. Kovalevskaya to Saratov governor A.I. Kosich (1891)", *History and Archives*, vol. 5, no. 1, pp. 24–46.
- Pivovarov, E.G. (2002), *Nauchno-pedagogicheskaya i prosvetitel'skaya deyatelnost' A.V. Babina (1866–1930)* [Scientific, pedagogical and educational activities of A.V. Babin (1866–1930)], Abstract of Ph.D. dissertation, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.
- Pivovarov, E.G. (2002), *A.V. Babin: 1866–1930 gg.* [A.V. Babin. 1866–1930], Petropolis, Saint Petersburg, Russia.
- Raleigh, D.J. (1994), *Saratov ot avgusta 1914 do avgusta 1991: Rossiya glazami amerikantsa: [Stat'i, ocherki, esse]* [Saratov from August 1914 to August 1991: Russia through the eyes of an American <Articles, studies, essays>], Saratov, Russia.
- Raleigh, D.J. (1994), *Saratov i guberniya v 1917 g.: sobytiya, partii, lyudi* [Saratov and the province in 1917. Events, parties, people], Gosudarstvennyi uchebno-nauchnyi tsentr «Kолledzh», Saratov, Russia.
- Raleigh, D.J. (1995), *Politicheskie sud'by Rossiiskoi gubernii: 1917 god v Saratove* [Political destinies of the Russian province: 1917 in Saratov], Slovo, Saratov, Russia.
- Raleigh, D. (2002), *Experiencing Russia's Civil War: politics, society, and revolutionary culture in Saratov. 1917–1922*, Princeton University Press, Princeton, Oxford, USA.
- Solomonov, V.A. (1999), "On the history of the emergence of the SSU scientific library" in *Istoriya i istoriografiya: Materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya L.A. Derbova* [History and historiography: Proceeding of the scientific conference commemorating the 90th anniversary of L.A. Derbov], Saratov, Russia, pp. 207–212.

Информация об авторе

Маргарита Н. Шапкина, Государственный архив Саратовской области, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Кутякова, д. 15; ritaplus@mail.ru

ORCID ID: 009-0008-2075-3348

Information about the author

Margarita N. Shashkina, Saratov Region State Archives, Saratov, Russia; 15, Kutyakova St., Saratov, Russia, 410012; ritaplus@mail.ru

ORCID ID: 009-0008-2075-3348